

Не охлѣбѣтъ единомъ
бѣдетъ живъ
человѣкъ.

Кому Церковь не
мать тотъ
Богъ не отецъ.



СВЯТЫЙ БАСИЛІЙ
ВОЛОГОДСКІЙ ЧУДОТВОРЪ



СВ. СТЕФАНЪ
ПЕРМСКІЙ

ЦЕРКОВНОЕ СЛОВО

ИЗДАНИЕ

БРАТСТВА ВСЕМИЛОСТИВАГО

← СПАСА →

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.
Цѣна отд. № 5 н.

№ 45 1907.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Поученіе о безгнѣвіи, еже не имѣти гнѣва.—Сила Божія и не-
мощь человѣческая. Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ. Сер-
гѣя Нилуса.—Скорбная молитва матери. Записалъ П. С.—Вологодская льго-
пись. Среди пасомыхъ. Поѣздка пресвященнаго Нікона, Епископа Во-
логодскаго въ г.г. Тотму, Устюгъ и Сольвычегодскъ.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

ПОУЧЕНИЕ О БЕЗГНѢВІИ, ЕЖЕ НЕ ИМѢТИ ГНѢВА.

Блаженъ человекъ онъ, иже неудобъ разгнѣваемъ бываетъ, ниже ярости приемляй. Сицевый въ мирѣ есть всегда, и яростный и гнѣвливыи духъ отъ себе прогоня, брани и смущенія кромѣ есть, и всегда тихъ наречется, и лицемъ радуется, не нагло гнѣваясь, отъ слова тща не подвигнется. Сицевый правдѣ и истинѣ дѣлатель есть: сицевый языкъ удобъ не разсѣваетъ, и языкоболѣзники удобъ терпитъ. Таковый бо ко всѣмъ любовь показуетъ, и безъ гнѣва сый, сваровъ не причащается, неправды не дѣлаетъ. Сицеваго болѣзни не срящутъ, здравъ бо есть весь. Таковый бо о мирѣ радуется, и долготерпѣніе вселяется въ онъ, духа нагла не имый, Духа Святаго не прогнѣваетъ. Сицевый можетъ и кротокъ быти, и любовь имѣти и терпѣніемъ и смиреніемъ и всякимъ дѣломъ благимъ украшенъ, и не гнѣвливъъ есть. Таковый отъ всѣхъ славимъ есть, и ангелы похваляемъ, и Христомъ любимъ есть. Треблаженъ убо есть поистинѣ, иже духъ гнѣвный и яростный отгна отъ себе всегда: яко сего тѣло и душа всегда здрава есть.

(Изъ твор. Ефрема Сирина).

СИЛА БОЖІА И НЕМОЩЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАА.

Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

LXV.

Стоялъ я однажды въ своей кельѣ на молитвѣ передъ иконою Распятія Спасителя и вдругъ увидѣлъ, что губы Божественнаго Страдальца сдѣлались огненными. Я пришелъ въ такой ужасъ, что изнемогъ всѣмъ существомъ души моей, но молиться не могъ.

Видѣніе это по маломъ времени исчезло.

Въ той же моей уединенной кельѣ, сперва секретно, а потомъ съ благословенія отца игумена, который временами благоволилъ ко мнѣ, я выкопалъ подъ поломъ подземелье, какъ бы могилу,

и поставилъ въ него съ одной стороны гробъ, а съ другой—гробовую крышку. Крышку гроба я сдѣлалъ еще когда жилъ въ міру, конечно, тайно ото всякаго посторонняго взгляда.

Подземелье это было любимымъ мѣстомъ для моей молитвы, и туда я часто уединялся молиться, становясь между гробомъ и его крышкой предъ большимъ Распятіемъ нашего Господа.

Отъ юности моей и по настоящее время я имѣлъ и имѣю, неодолимый для меня, паническій страхъ передъ всякаго рода гадами — змѣями, ящерицами, червями. Гдѣ бы я ни былъ, въ саду ли, въ полѣ, или въ лѣсу, молился ли я, или просто лежалъ на травѣ, меня всегда пугалъ помысль — нѣтъ ли здѣсь какой-нибудь гадины? Я и до сихъ поръ избѣгаю попасть въ густую траву, а для отдыха стараюсь себѣ выбрать чистенькое мѣстечко.

Въ могилѣ моей, подъ кельей, неоткуда было забраться никакому гаду и, тѣмъ не менѣе, я всякій разъ, какъ въ нее спускался, испытывалъ нѣкотораго рода боязнь встрѣтить тамъ какую-нибудь гадину. Но, не смотря на этотъ страхъ, любилъ я могильное безмолвіе, гдѣ иногда цѣлыя ночи и дни проводилъ безъ сна или на молитвѣ, или въ размышленіи о тайнѣ нашего спасенія и неизслѣдимой вѣчности, ожидающей православно вѣрующую душу, или на грѣшной своей молитвѣ.

Врагъ зналъ мою слабость и здѣсь не оставилъ меня въ покоѣ.

Молясь однажды въ своей кельѣ, я увидѣлъ около себя огромную, длинную, толстую змѣю. Я обомлѣлъ отъ ужаса. Подползла эта змѣя къ дверцѣ, ведущей въ мое подземелье, и вдругъ, на моихъ глазахъ, стала утончаться и, сдѣлавшись тонкой, какъ пьивка, проползла въ дверную щель и скрылась въ подземелье.

Послѣ этого видѣнія я долго боялся спускаться на молитву къ моему гробу.

Немного дней спустя кто-то, во время моего сна, нагнулъ столбикъ изъ черныхъ крашенныхъ дощечекъ, на которомъ у меня были укрѣплены стѣнные часы, да нагнулъ такъ, что часы остановились.

Прошло послѣ этого нѣкоторое время, и я рѣшился наконецъ, опять спуститься на молитву въ свое подземелье. Зажегъ я свѣчу, спустился ко гробу, тщательно осмотрѣлъ со свѣчей всѣ закоулки подземелья и, убѣдившись, что въ немъ нѣтъ, кромѣ меня, ни одного живаго существа, я спокойно сталъ молиться. Не успѣлъ я преклонить колѣни, какъ увидалъ, что по могилѣ пробѣжала большая ящерица, но не такого цвѣта, какого онѣ обыкновенно бываютъ, а цвѣта человѣческаго тѣла. На этотъ разъ я не испугался, а, оставивъ молитву, взялъ свѣчу и сталъ осматривать свое подземелье. Такихъ ящерицъ я нашелъ нѣсколько штукъ, перебилъ ихъ и выкинулъ. На другой день явленіе это повторилось, на третій — тоже, и, вмѣсто молитвы, мнѣ

пришлось заниматься избіеніемъ ящерицъ, которыхъ въ подземельѣ собиралось всякій разъ, какъ я туда спускался, такъ много, что, пока я ихъ всѣхъ переловлю, перебью и повыкидаю, некогда было уже и молиться. Дивился я, откуда было бы имъ браться, когда и муравью-то и тому неоткуда было пролѣзть въ мою могилу.

Такъ и пришлось мнѣ на время оставить мое могильное безмолвіе.

Спрашивалъ я садовника монастырскаго—онъ былъ изъ Троекуровскихъ крестьянъ, — доводилось ли ему въ нашемъ саду встрѣчать ящерицъ, онъ съ увѣренностью мнѣ отвѣтилъ:

— „Никогда! а если бы были, то могъ ли бы я живя безвыходно лѣто-лѣтское въ саду, ихъ не видѣть?“

Искушеніе это продолжалось до тѣхъ поръ, пока я не написалъ о немъ, прося молитвъ, старцу Амвросію Оптинскому. Съ этого времени я уже болѣе ящерицъ не видѣлъ.

Прошло послѣ этого нѣкоторое время. Я попрежнему, уже безбоязненно, становился на молитву въ своемъ подземельѣ, какъ началось новое искушеніе, которому не помогли и мои письма къ отцу Амвросію. Говорилъ я о немъ и лично, при свиданіи, великому старцу, но искушеніе это не только не прекращалось, но еще болѣе усиливались: слышались мнѣ, во время моей молитвы, сперва тихіе, невнятные голоса, а затѣмъ уже и ясное множество голосовъ, сладко ублажавшихъ мои подвиги. И я, грѣшный монахъ, оставлялъ молитву и по цѣлымъ часамъ стоялъ, прислушиваясь къ ихъ разговорамъ, услаждавшимъ тайную гордость и самомнѣніе моей окаянной души.

Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшному!..

LXVI.

Подарила мнѣ одна боголюбивая жена флеру (родъ тонкой кисеи) на окна для защиты на лѣтнее время отъ насѣкомыхъ. Въ это же время я выпросилъ у отца игумена изъ церкви маленькое Евангеліе и образъ Преподобнаго Сергія. То и другое послужило для врага поводомъ воздвигнуть на меня новую клевету. Одинъ изъ нашихъ іеромонаховъ былъ какъ-то разъ у меня въ кельѣ и увидалъ на окнахъ рамки изъ флера, и сатана наполнилъ его сердце злобной завистью. Іеромонахъ этотъ иногда бывалъ у той боголюбивой госпожи и, вотъ, при первой съ ней встрѣчѣ, на вопросъ ея обо мнѣ, онъ сталъ ей говорить про меня много дурнаго и, увлекшись, началъ ей рассказывать, что я даже воръ, потому что укралъ изъ церкви Евангеліе, икону и флеръ, изъ котораго подѣлалъ себѣ рамки на окна... Этотъ флеръ открылъ всю ложь его навѣтовъ, и эта госпожа, встрѣтивъ меня въ церкви, предупредила меня, чтобы я сторонился упомянутаго іеромонаха, объяснивъ мнѣ и причину своего преду-

прежденія. Имя этой моей благодѣтельницы—Любовь Степановна Ѳедотова, супруга извѣстнаго уже моему читателю Луки Алексѣевича.

Изъ ряду вонъ выходящей была эта женщина по своему боголюбію! Мужъ ея нѣкогда служилъ въ Сибири начальникомъ въ томъ округѣ, куда ссылались политическіе преступники, особенно, изъ Царства Польскаго. Были они съ мужемъ люди богатые, имѣли единственную дочь, которую любили безъ памяти и, по окончаніи мужемъ службы въ Сибири, поселились они всей семьей въ Лебедяни въ прекрасномъ домѣ. Звали ихъ въ Лебедяни сибиряками и очень почитали за выдающіяся качества ихъ рѣдкихъ сердець. Были они глубоко-религіозные, къ храму Божьему усердные, любили монастыри и монастырское богослуженіе, къ которымъ и неуклонно ѣзжали по большимъ праздникамъ; подавали щедрую и всегда тайную милостыню, выдавали замужъ бѣдныхъ невѣстъ, давая имъ приданое—словомъ жили, какъ истинные хрістіане.

Къ единственной ихъ дочери присватался одинъ изъ богатыхъ мѣстныхъ помѣщиковъ, владѣвшій деревней крестьянъ и богатой усадьбой при рѣкѣ Донѣ.

Родители невѣсты были на эту свадьбу согласны, но негодна она была дочери, такъ какъ она была еще совѣмъ юная дѣвица, а жениху было около 45 лѣтъ. Негодна была эта свадьба и Богу, и Онъ взялъ невѣсту къ Себѣ, не допустивъ ее до бракосочетанія съ нелюбимымъ.

Смерть единственной дочери, умершей въ 17-ти лѣтнемъ возрастѣ, тяжело поразила чету Ѳедотовыхъ, но не предались они безплодному отчаянію, а только усилили свою богоугодную дѣятельность и свои усердныя молитвы къ Богу. Что касается Любови Степановны, то ея религіозность въ это скорбное для нея время возрасла до степени подвижничества и уже съ этой высоты не опускалась до самой ея кончины. Исполняя по долгу своего званія всѣ свои семейныя обязанности, она въ корень измѣнила свои отношенія ко внѣшнему міру и въ теченіи 10 лѣтъ со дня смерти дочери и до праведнаго своего конца она не пропускала ни одного дня, чтобы не быть въ храмѣ. Пріѣзжала она къ намъ въ монастырь за часъ, или за полчаса до утрени и ни разу не позволила себѣ постучаться въ ворота обители, чтобы вратарь ее впустилъ обогрѣться въ храмъ въ ожиданіи утрени. Даже при 25-ти или 30-ти градусномъ морозѣ, отпустивъ своего кучера домой, стояла она на снѣгу, прижавшись къ калиткѣ и дожидаясь, когда вратарь отпретъ ворота или калитку. Нерѣдко бывало, что вратарь и игумень съ братіей просыпали и, трясаясь отъ жестокой стужи она, все такъ же безропотно и безмолвно дожидалась, пока, наконецъ—

то, не откроютъ воротъ тѣ, кому надлежало вѣдать. О жизни ея, подвигахъ, благодѣяніяхъ нищимъ, убогимъ, сирымъ, вдовицамъ, церквамъ и монашествующимъ знаетъ одинъ только Сердцевѣдецъ Господь, я только могу свидѣтельствовать, что это была великая хрістіанка, рѣдкая изъ женъ, которая, при всемъ достаткѣ, довольствѣ и даже изобиліи благъ земныхъ, не пользовалась рѣшительно ничѣмъ и вела жизнь строгой и притомъ тайной постницы и неподражаемой подвижницы. За тайну передавали мнѣ мать ея, Александра Петровна Антонова и мужъ, Лука Алексѣевичъ, что у нея отъ колѣнопреклонной молитвы на обоихъ колѣняхъ были величиной въ кулакъ шишки, которыя обращались по временамъ въ злые нарывы и раны.

Въ обращеніи своемъ съ людьми она была совсѣмъ какъ ангелъ—съ неизмѣнной и кроткой улыбкой на устахъ, не умѣвшихъ произнести ни одной жалобы. Глубоко начитанная въ словѣ Божіемъ, она и умъ имѣла свѣтлый и просвѣщенный Богопознаніемъ—словомъ, когда мнѣ приходилось слышать, какъ мужа своего она называла господиномъ, то представлялась она мнѣ, озаренная какъ бы сіяніемъ своей святости, одной изъ дивныхъ Библейскихъ женъ, которымъ приучено было сердце поклоняться отъ самыхъ юныхъ лѣтъ. Это была, воистину, жена святая.

И этому-то ангелу сатана хотѣлъ меня опорочить и лишитъ меня его довѣрія и непрестанной заботливости о моемъ духовномъ сиротствѣ среди враждебно ко мнѣ настроеннаго большинства монастырскаго братства!

Благодареніе Господу, неудавшаяся клевета расположила до того Ѳедотовыхъ въ мою пользу, что съ того времени я сталъ для нихъ своимъ въ ихъ домѣ и сердцѣ и былъ ими назначенъ душеприкащикомъ по духовному завѣщанію ко всему ихъ имѣнію. Это возвысило меня такъ въ глазахъ Лебедянскихъ гражданъ, что впослѣдствіи, когда я уже былъ іеромонахомъ, меня звали еженедѣльно въ Лебедянь для совершения Божественной Литургіи и для произнесенія проповѣдей.

LXVII.

Однажды, въ день Рождества Хрістова, придя къ себѣ въ келью отъ ранней обѣдни съ приглашеннымъ мною странникомъ—монахомъ одного изъ Московскихъ монастырей, я замѣтилъ, что пробой былъ изъ двери выдернутъ, замокъ сломанъ, а вошедши въ келью, засталъ въ ней полный разгромъ всего моего достоянія: кромѣ иконъ и книгъ, ничего воры у меня не оставили, забравши всю теплую и холодную одежду, бѣлье, самоваръ, чашки, сахарницу и, сколько было про нуждишку, деньжонокъ—все забрано было до нитки. Оставлены были худенькіе старые подштанники, да и тѣ были на зло вывернуты и брошены посреди

кельи. На другой день одна мухояровая ряска и старый поношеннаго крепа клобукъ были подкинуты въ мѣшечкѣ, въ которомъ мнѣ обычно кое-что присылали благодѣтели мои, Ѳедотовы. Подкинута это было на гостинномъ дворѣ къ кельѣ одного изъ братьи, живописца, а онъ и принесъ все это въ трапезную во время обѣда. Все остальное мое имущество пропало безъ вѣсти.

Дня черезъ два призвалъ меня къ себѣ одинъ іеродиаконъ. Я засталъ у него въ гостяхъ мірянина, и они мнѣ сообщили, что есть слухъ о похищенномъ у меня имуществѣ и потому совѣтовали подать въ судъ. Я отвѣтилъ, что судиться—не монашеское дѣло, а вотъ было бы лучше, если бы воръ возвратилъ мнѣ мое имущество, тогда бы я ему уплатилъ по стоимости за похищенное и поклялся бы никому никогда не открывать его имени. Конечно, надо было удивляться моей наивности, воображавшей, что воръ могъ бы повѣрить моимъ обѣщаніямъ, но тогда оно вылилось изъ моего сердца. И остался я при 25-ти градусныхъ морозахъ въ одномъ холодномъ худенькомъ подрясничкѣ, и никто изъ брати, начиная съ игумена, не догадался мнѣ предложить ничего теплаго. Можно себѣ представить, какъ проводилъ я въ своей холодной кельѣ зимнія морозныя ночи, не имѣя чѣмъ прикрыть своего продрогшаго тѣла, пока не обзавелся кое-какимъ теплымъ одѣяніемъ! Согрѣвала меня молитва Иисусова да земные поклоны, которые и клалъ я усердно, едва перемогаясь отъ холода до утрени. И какъ же бывалъ я радъ тогда услышать къ ней благовѣсть! Въ храмѣ было много теплѣе, чѣмъ въ моей кельѣ, и я бѣжалъ туда, дрожа весь, какъ въ лихорадкѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ, въ наступившемъ, стало быть, новомъ году послѣ тѣхъ рождественскихъ праздниковъ, когда у меня была совершена первая покража, пришелъ я тоже отъ ранней Литургии въ свою келью и засталъ у себя полное повтореніе того, что было на Рождествѣ: замокъ былъ сорванъ и все, кромѣ книгъ и иконъ, было разворовано до нитки. Было у меня тутъ подозрѣніе на одного брата, но онъ не допустилъ меня до осмотра своей кельи. Я не сталъ настаивать и спустя нѣкоторое время съ однимъ братомъ, жившимъ на гостинницѣ, нашелъ въ саду, въ травѣ, одинъ свой тулупчикъ да три—четыре грязныхъ рубахи, а все остальное кануло въ воду.

Совершивъ у меня руками подвластныхъ ему людей двѣ кражи, врагъ діаволъ вновь сталъ ополчаться противъ меня отца игумена, и началъ онъ опять преслѣдовать меня. Гдѣ тайно, а гдѣ явно—угрозами и лаской принялся онъ возстановливать противъ меня ту часть брати, которая была расположена ко мнѣ: опять вторялась, по наговорамъ казначея, старая исторія съ запрещеніемъ бывать у меня кому бы-то ни было. Боялись они, видимо, чтобы я не составилъ противъ нихъ братской жалобы вышей

власти. Дѣло дошло до того, что стали запираеть садъ, а если и отпирали, то слѣдомъ слѣдили и за мной, и за тѣми, кто входилъ въ садъ. Стоило кому-нибудь подойти къ моей кельѣ, какъ, точно изъ земли, вырасталъ игумень и спрашивалъ:

— „О чемъ собрались толковать?“—а затѣмъ усаживался около моей кельи и сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока или уйдуть, или самъ скажетъ:

— „Пойдемте-ка! а то велю скоро запираеть“.

Бывало, на вопросъ игумена: „куда идешь?“—иной братъ отвѣтитъ:

— „Къ отцу Θεодосію чаишку напитокъ“...

— „Ай, у тебя нѣтъ?“—скажетъ игумень.

— „Есть-то, есть“—отвѣтитъ братъ: „да хочется мнѣ съ нимъ побесѣдовать, или тамъ—книгъ отеческихъ вмѣстѣ почитать“.

— „Ну“, возразитъ игумень: „зачѣмъ къ нему ходить? Иди ко мнѣ: ты у меня давно чаю не пилъ“.

И волей-неволей приходилось повиноваться брату. А ужъ въ игуменской кельѣ заводились опять знакомыя рѣчи:

— „Вѣдь, вы его не знаете: онъ не только мошенникъ, а изъ мошенниковъ-то мошенникъ“... и т. д.

Братъ молчалъ и слушалъ, а затѣмъ со слезами иногда на глазахъ говорилъ мнѣ:

— „Господи! да за что они васъ такъ ненавидятъ?... Терпи, родимый нашъ, пожалуйста, не скорби!“

А причина ненависти была все та же: всякій разъ какъ усиливалась въ монастырѣ, по винѣ игумена и казначея, распущенность, я шелъ къ игумену и съ глазу на глазъ, на колѣняхъ и со слезами, цѣлуя его руки, умолялъ его прекратить безчинство, которое лѣзло даже въ храмъ, не щадя великой службы Божественной литургіи. Про трапезную уже и говорить было нечего: тамъ не только братія, но даже десятилѣтніе мальчики, родственники нѣкоторыхъ іеромонаховъ, вынуждались пить сивуху квасными стаканами, особенно, въ день чыхъ-либо поминокъ. Но всѣ мои просьбы оставались гласомъ вопіющимъ въ пустынь. Когда же узнали, что благодѣтели мои, Лука Алексѣевичъ и его жена, сдѣлали меня своимъ душеприкащикомъ по завѣщанному для нашего монастыря имуществу, то отецъ игумень сталъ окончательно гнать меня изъ монастыря. Сперва принялся онъ за меня совѣтомъ, говоря:

— „Ты видишь, какая здѣсь братія: иди, пожалуйста, отъ насъ въ какую-нибудь пустынь да тамъ и спасайся“.

Потомъ заговорилъ со мною уже въ формѣ приказанія, чтобы я непременно подалъ прошеніе на перемѣщеніе меня въ Оптину Пустынь, или въ иную обитель:

— „Я и братія не желаемъ, чтобы ты жилъ въ нашей оби-

тели“, съ гнѣвомъ говорилъ мнѣ игумень: „ты не способенъ, а твой характеръ невыносимо тяжелъ для насъ“.

Я зналъ, что братія тутъ была не при чемъ, а моего удаленія хотѣлъ только онъ съ казначеемъ, и потому объявилъ ему, что я изъ обители безъ особой причины не уйду. Внѣ себя отъ гнѣва игумень крикнулъ мнѣ на это:

— „Сказываю тебѣ: иди, куда хочешь—ты здѣсь не нуженъ!“

Я ушелъ, не взвидѣвъ свѣта отъ горькихъ слезъ и, придя въ свою келью, по малодушію своему, сталъ просить себѣ у Господа смерти.

Обезсилѣвъ отъ молитвы и слезъ, я заснулъ и увидѣлъ во снѣ, что будто я стою на молитвѣ и вдругъ вижу, что, вся моя келья наполнилась сонмомъ поющихъ дивную пѣснь: „Побѣждаютъ естества уставы въ Тебѣ, Дѣво Чистая. Дѣвствуетъ бо рождество и животъ предобручаетъ смерть. По рождествѣ Дѣва и по смерти жива спасаеши присно, Богородице, наслѣдіе Твое“... И какъ же это было пѣто!—того ни пересказать, ни передать человѣческимъ голосомъ невозможно. Кончилось пѣніе, и видѣніе скрылось, а я проснулся весь въ слезахъ... И долго, долго звучала у меня въ ушахъ гармоническая мелодія этого сладкаго, чуднаго пѣнія.

Съ этого дня я положилъ себѣ за правило, отходя ко сну, пѣть до трехъ разъ слышанныя во снѣ слова, стараясь подражать ихъ небесной гармоніи.

Въ тотъ же день, выйдя изъ своей кельи, я встрѣтилъ отца игумена гуляющимъ по саду. Увидѣвъ меня онъ самъ подошелъ ко мнѣ и поклонился мнѣ въ ноги, прося у меня прошенія за бывшее и говоря:

— „Живи, молись и за меня! Мало ли чего не бываетъ... А ты не серчай: горшокъ съ горшкомъ и то сталкиваются, а мы—живые люди. Это меня все казначей смущаетъ“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СКОРБНАЯ МОЛИТВА МАТЕРИ.

10 лѣтъ назадъ мнѣ пришлось возвращаться въ маленькой лодкѣ изъ деревни домой вмѣстѣ съ мужемъ и тремя малолѣтними дѣтьми. Съ полдня поднялся вѣтеръ. Онъ съ силой рвалъ деревья, готовый сломить ихъ. Рѣка заволновалась. Нашу лодку стало качать. Я вышла на берегъ и просила мужа высадить изъ лодки дѣтей, по крайней мѣрѣ хотя самую маленькую дочку. Мужъ былъ пьянъ и ни за что не соглашался исполнить мою просьбу. Его тѣшила буря, его занимало ѣхать съ парусомъ по волнамъ разбушевавшейся рѣки. Вѣтеръ крѣпчалъ, волны дѣлались свирѣпѣе. Пѣнистые бѣлые гребни пестрѣли на поверхности рѣки.

Я бѣжала по берегу, чтобы поспѣвать за лодкой, гдѣ сидѣли дрожа отъ страха мои бѣдныя дѣти съ отцомъ, бывшимъ не въ себѣ. Высокая трава препятствовала быстрой ходьбѣ; чувство ужаса охватило меня, отнимало силы. Господи, неужели они погибнуть, неужели найдутъ смерть въ волнахъ разбушевавшейся рѣки? Господи, Боже, Отче милосердый, спаси! молилась я въ душѣ, устремивъ просительный взоръ на небо и падая на колѣни въ густой травѣ. Поднимаюсь съ колѣнъ и вновь бѣгу. А волны становятся все сильнѣе и сильнѣе. Онѣ бросаютъ лодку, какъ шепку. Лодки стало не видно за мысомъ. Думаю: вдругъ выбѣгу изъ-за мыса и увижу въ лодкѣ одного только мужа, а то и никого не увижу. Но благодареніе Господу! Смотрю: на днѣ лодки чуть чуть замѣтны маленькія головы. Опять бросаюсь на колѣни со слезами молитвы о спасеніи малютокъ и мужа, призываю въ помощники небесныхъ ходатаевъ—Іоанна Богослова и Николая Чудотворца, мысль обратиться къ которымъ является подъ впечатлѣніемъ только что недавно пережитыхъ въ честь ихъ праздниковъ. На шеѣ у меня въ то время висѣлъ маленькій образокъ преп. Сергія Радонежскаго, пріобрѣтенный мною въ обители Его годъ назадъ. Я вынимаю его, съ глубокою вѣрою лобызаю ликъ преподобнаго, со слезами молю его о заступничествѣ. И вновь спѣшу. На мою бѣду на берегу случилась яма, надо было ее оббѣжать. А на минуту боишься опустить изъ виду лодку съ дорогими моему сердцу дѣтьми. Вижу: сидятъ они. Но вотъ еще опасность. Лодку прибило волнами къ плотамъ, стоявшимъ на рѣкѣ. Вижу,—весло у мужа задѣло за бревно которое и вырвало его изъ рукъ. Малыши подали отцу другое. Мужъ хочетъ отѣхать отъ бревенъ, но не можетъ, волны напираютъ на лодку и готовы повернуть ее верхъ дномъ. Отъ ужаса я не могу смотрѣть въ ту сторону. Я падаю на колѣна молиться, воздѣваю руки къ небу, прошу у Бога помощи и заступленія. И вотъ дѣти мои остались живы и мужъ. Они вышли на берегъ. Отъ вина и напряженія силъ мужъ настолько ослабѣлъ, что выйдя на берегъ тутъ же упалъ и уснулъ.

Не человѣческая сила спасла; нѣтъ, Богъ взыскалъ насъ Своею милостью!

Прошло съ тѣхъ поръ съ десятокъ лѣтъ. Мужъ мой давно уже въ могилѣ. На мою долю выпало воспитаніе дѣтей. Описанный мною здѣсь случай живо встаетъ предо мною теперь, доставляя утѣшеніе и урокъ, какъ мнѣ быть, что дѣлать, въ тяжелыя минуты жизни, ибо теперь опасность для дѣтей можетъ быть болѣе сильная и тяжелая, чѣмъ тогда. Въ тѣ памятные часы ихъ тѣлесной жизни грозили волны рѣки, теперь же ихъ души въ своемъ мутномъ теченіи готовъ потопить потокъ такъ называемаго „освободительнаго движенія“. Онъ съ страшною силой стремится

разрушить, уничтожить все, что попадает на пути. Все родное, дорогое, чѣмъ мы дышемъ, живемъ, что доставляетъ единственное утѣшеніе и умирненіе, что искони служило основаніемъ нашего временнаго благополучія и вѣчнаго спасенія, попирается какъ негодное и ненужное. Даже священное имя Божіе, вѣра, Церковь и ея святыни отвергаются и поносятся; зло выплыло изъ своихъ темныхъ глубинъ, дерзкія хулы и насмѣшки надъ религіей, надъ Христомъ слышатся всюду; свободно врагъ спасенія распространяетъ среди людей ядъ сомнѣнія, невѣрія, озлобленія противъ святыни нашего сердца. Все подвергается критикѣ и отрицанію, отрицанію огульному и голословному. Страшный потокъ этого гибельнаго движенія силится уничтожить исконные устои общественной и государственной нашей жизни. Всячески стараются злые люди исторгнуть чувство патріотизма изъ сердець русскихъ людей, проповѣдую невозможный и неестественный въ дѣйствительности космополитизмъ. Осмѣивается святое чувство, которымъ дышутъ рѣчи Христа Спасителя, плакавшаго объ Іерусалимѣ, сдѣлавшемся за нечестіе его обитателей достойнымъ гибели. Нынѣ Царь—помазанникъ Божій, имя Котораго наши родители приучили произносить съ благоговѣніемъ и священнымъ трепетомъ, становится сторонниками новаго движенія въ ряды именъ обычныхъ смертныхъ; этого мало—кощунственными, безобразными, возмутительными пѣснями, стихами и рѣчами они стараются вытравить изъ народа Русскаго уваженіе къ Отцу отечества Батюшкѣ-Царю, стремятся подорвать довѣріе и повиновеніе ко всякой власти, вопреки словъ Апостола: „всяка душа властемъ предержажимъ да повинуется“. Въ области нравственныхъ понятій замѣчается страшная путаница. То, что является и всегда считалось истиннымъ добромъ, трактуется, какъ зло, а зло почитается за добро. То, предъ чѣмъ мы привыкли краснѣть, что до глубины души возмущаетъ насъ, предъ чѣмъ мы приходимъ въ ужасъ, сторонникамъ „освободительнаго движенія“ кажется естественнымъ, и они безъ упрековъ совѣсти допускаютъ въ своей жизни то, что нравственно преступно и незаконно.

Слабая, неустановившаяся, зеленая молодежь всего легче падаетъ въ волны новаго движенія. Предъ напоромъ ихъ не можетъ устоять она, не окрѣпшая, не имѣющая опредѣленнаго и твердаго міросозерцанія. Общей участи не могли избѣжать и мои бѣдныя дѣти-сироты. Обрызганныя вонючею волною движенія и окунувшіяся въ ней, они приходятъ ко мнѣ со своими новыми вопросами, новыми словами и фразами, съ новымъ настроеніемъ и приемами. Какъ коробятъ меня эти приемы, словно ножъ острый пронзаютъ мое сердце ихъ рѣчи, отравленные ядомъ современнаго социалистическаго ученія, поражаютъ все существо

мое ихъ слова, въ которыхъ слышится пренебреженіе, какое-то злобное противленіе тому, что дорого, мило моему сердцу. Съ теплотой материнской ласки и любовью убѣждаешь дѣтей, какъ можешь, вразумляешь, обличаешь, но завтра слышишь тоже, что вчера, иногда даже въ болѣе рѣзкой формѣ.

Я беспомощна, слово мое бессильно. Не вернуть мнѣ дѣтей своихъ на путь правды своими личными убѣжденіями. Ихъ ждетъ вѣчная гибель. Мое сердце терзается на части, когда припомнишь слова Христовы: „не убойтесь отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить; сказую вамъ, кого убойтесь: убойтесь могущаго душу воврещи въ пещь огненную“. Куда какъ не въ геенну ведутъ моихъ дѣтей новыя вѣянія, новыя ученія? Врагъ спасенія диаволь видимо, ощутительно помогаетъ борцамъ „освободительнаго движенія“ въ ихъ злодѣйскомъ, душепагубномъ дѣлѣ.

И хотя много времени прошло съ тѣхъ иоръ, когда былъ рассказанный выше случай, но и теперь возстаетъ въ моей памяти: вспоминаю живо,—какъ бѣжала я тогда по берегу рѣки, какъ боялась я за участь дорогихъ мнѣ дѣтей, какъ горячо молилась тогда за нихъ. Чувствуешь всѣмъ сердцемъ, что одна у меня и теперь надежда—на Бога и на ходатайство Его угодниковъ: припадешь въ своей комнаткѣ съ глазами полными слезъ предъ иконой Спасителя и молишь Его возвратить мнѣ моихъ дѣтей, возвратить на путь правды и добра. Господи, сынъ мой, дщерь моя злѣ бѣснуются, испѣли и помилуй ихъ! Слаба моя вѣра, не сравняется съ вѣрой хананейки, но по милости Своей, Господи, укрѣпи мою вѣру и не возгнушайся моихъ моленій, приносимыхъ отъ мерзкаго сердца и нечистаго языка! Матерь Божія! Ты наша надежда и упованіе и помощь, не оставь дѣтей моихъ, увлеченныхъ вѣтромъ лжеученій, да не погибнуть на вѣки души ихъ! Угодники Божіи: Сергій Радонежскій, Іоаннъ Богословъ, Николай Святитель, молитесь усердно Господа, да сохранить Онъ дѣтей моихъ отъ потопленія въ мутной и страшной пучинѣ современнаго безбожія и распушенности.

Припоминаются тутъ дерзкія, возмущающія вѣрующія души, рѣчи дѣтей и ясно предстаетъ предъ сознаніемъ великая опасность, въ которой они находятся, и еще съ большимъ усердіемъ изливаешь предъ Господомъ молитвы свои.

Дивный миръ вливается въ душу послѣ горячей молитвы. Но въ тоже время видишь, недостойная, и плодъ своей молитвы: мягче дѣлаются мои дѣти, ужъ не терзаютъ они сердца моего по прежнему, и въ ихъ души замѣтно западаетъ тихій свѣтъ Христовой правды и любви...

Записалъ Н. С.

ВОЛОГОДСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Среди пасомыхъ.

(Поѣздка преосвященнаго Никона, Епископа Вологодскаго, въ г.г. Тотму, Устюгъ и Сольвычегодскъ).

(Продолженіе).

V.

Въ Гледенѣ и сельскомъ храмѣ.

28-го Іюня раннимъ утромъ, когда городъ еще спалъ, но лѣтнее солнышко довольно высоко уже поднялось отъ горизонта, преосвященный Никонъ вмѣстѣ съ преосвященнымъ Алексіемъ отправились для обозрѣнія Гледенскаго Троицкаго монастыря, отстоящаго отъ города въ 4-хъ верстахъ. Путь лежалъ черезъ поля и деревни, населеніе которыхъ выходило изъ своихъ домовъ и поклонами привѣтствовало проѣзжавшихъ архипастырей.

Гледенскій монастырь весьма древній. Онъ существовалъ еще въ то время, когда не было Устюга; отсюда распространялся свѣтъ Хрїстова ученія на всю окрестность, здѣсь же для тогдашнихъ обитателей былъ наблюдательный пунктъ за неприятелями, этимъ объясняется названіе *Гледень*—отъ *глядѣть*, наблюдать. Съ появленіемъ города, потерялось бывшее значеніе Гледена. Въ настоящее время Троицкій монастырь причисленъ къ Михайло-Архангельскому Устюжскому и служба въ немъ совершается рѣдко за неимѣніемъ священнослужителей.

Встрѣченные іеромонахомъ Михайло-Архангельскаго монастыря, владыки по высокой лѣстницѣ поднялись въ холодный Троицкій храмъ, величіе котораго съ высокимъ прекрасной работы позолоченнымъ иконостасомъ производитъ неотразимо сильное впечатлѣніе. Нѣкоторыя иконы въ храмѣ очень древнія и написаны однимъ лицомъ—іеромонахомъ сей обители Сергіемъ. Преосвященный Никонъ любовался ими, заинтересовавшись особенно изображеніемъ Св. Троицы. Оба владыки побывали въ остальныхъ храмахъ монастыря, зайдя въ сырое помѣщеніе подъ холодною церковью, гдѣ когда-то находился храмъ и въ келіи темной и сырой подвизался Архіепископъ Іоасафъ. Съ башни, находящейся на углу ограды монастырской, владыки любовались открывающимися оттуда окрестностями монастыря—дугами, большимъ воднымъ пространствомъ при слияніи Юга и Сухоны, особенно же городомъ Устюгомъ со множествомъ его бѣлыхъ храмовъ—свидѣтелей былой славы, благочестія, ревности по Богѣ жителей города.

Тамъ, въ городѣ, шумъ, суета, здѣсь въ обители, пріютившейся среди полей—миръ, тишина, уединеніе.—„Какъ здѣсь хорошо, говоритъ владыка, для желающихъ спасенія! Пришелъ-бы

сюда какой-нибудь искренно желающий вѣчнаго спасенія, любящій подвигъ, благочестивый монахъ, вѣрю, что собралось бы около него хорошее братство изъ людей, любящихъ Бога... И возстановилась бы обитель“...

Изъ Гledenскаго монастыря владыки отправились въ сосѣдній съ нимъ приходъ—Морозовицы, населеніе котораго хотя и не освѣдомлено было о пріѣздѣ архипастырей за ранѣе, но узнавъ о семъ за нѣсколько минутъ, оставило работы и поспѣшило принять благословеніе святительское. Преосвященный Никонъ утѣшилъ усердствующихъ получасовою бесѣдою. Онъ говорилъ имъ, что сейчасъ узналъ отъ ихъ пастыря, что они недавно молились о ниспосланіи на засохшія нивы дождя и радовался, что Богъ услышалъ ихъ молитвы. „Молитесь еще горячѣе и усерднѣе, принесите Богу покаяніе и исправьте свою жизнь. Воскресные дни посвятите на служеніе Богу, проводите ихъ въ молитвѣхъ и дѣлахъ любви хрістіанской. Седьмой день Господу Богу твоему посвяти—не работай для себя, но помогай ближнимъ. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ субботній день бывалъ въ храмъ и творилъ дѣла милосердія. Не мало среди васъ вдовъ и сиротъ, у иныхъ бѣдняковъ лошади нѣтъ, вотъ въ праздничный день вы послѣ молитвы и поработайте для нихъ, съѣздите въ ихъ поле, помогите. Богъ услышитъ молитвы тѣхъ, кто помнитъ Бога и старается исполнять Его заповѣди, удаляясь отъ зла. Не такъ давно около Вологды сгорѣлъ храмъ, прихожане, увидѣвъ въ этомъ вразумленіе Божіе, составили приговоръ воздерживаться отъ водки, пока св. храмъ не будетъ обновленъ; смотрите и вы на настоящее бездождіе, какъ на вразумленіе свыше, оставьте пороки пьянства, сквернословія, которое слышится всюду, даже изъ устъ дѣтей“... Владыка разсказалъ случай, приведенный въ сочиненіяхъ свят. Григорія Двоеслова, о мальчикѣ, пріучившемся сквернословить и умершемъ отъ моровой язвы съ гнилыми словами на устахъ.

„Храните дѣтей, убѣждалъ владыка, отъ прикосновенія къ нимъ всякой скверны и порока, храните ихъ и себя отъ невѣрія, распущенности, неповиновенія властямъ, о чемъ проповѣдуютъ лжеучители, проникающіе всюду. Слушайте пастырей вашихъ. Мы хотя грѣшны и недостойны, какъ люди, но въ святыхъ таинствахъ чрезъ насъ дѣйствуетъ Духъ Святой; къ намъ относятся слова Христовы: слушаай васъ Мене слушаетъ, отменяя васъ, Мене отменяется. Совѣтуйтесь съ пастырями вашими во всемъ, назидайтесь отъ нихъ, но страшитесь волковъ тяжкихъ, не щадящихъ стада, лжеучителей, приводящихъ людей къ гибели“. Рѣчь владыки была простая, отеческая и вызвала на глазахъ женщинъ слезы. Послѣ рѣчи всѣ присутствовавшіе въ храмѣ приняли благословеніе архипастыря и прежде всего школьники

и маленькіе дѣти, причемъ грамотные получили отъ владыки книжечки, неграмотные — образки. Провожаемые низкими поклонами морозовицкихъ прихожанъ, владыки отправились къ Иоанновской церкви, находящейся среди полей, недалеко отъ Гленскаго монастыря. Храмъ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ родился и росъ праведный Іоаннъ, Устюжскій юродивый. Осмотрѣвъ храмъ, гдѣ особенное вниманіе обращаютъ на себя иконы праведныхъ, владыки спустились подъ горку, гдѣ находится часовня-колодчикъ, по преданію вырытый праведнымъ. Отвѣдавъ здѣсь изъ длиннаго деревяннаго черпака водицы, архипастыри поѣхали къ г. Устюгу, причемъ преосвященнымъ Нѣкономъ осмотрѣны были Догмковскіе храмы, а также находящіеся на берегу города церкви: Варваринская, Рождественская, Спасская и соборы.

VI.

Служеніе и слово въ Успенскомъ соборѣ.

29 Іюня, въ праздникъ Апостоловъ Петра и Павла, въ Успенскомъ соборѣ была совершена литургія обоими архипастырями. Богослуженіе привлекло въ соборъ массу народа, который не только наполнялъ храмъ, но и тѣснился на обширной паперти его. Въ концѣ литургіи богомольцы старались придвинуться ближе къ амвону, чтобы выслушать рѣчь своего архипастыря, которая озаглавливалась текстомъ: *созижду Церковь Мою и врата адава не одолѣютъ ей.* „Сегодня, говорилъ Владыка, праздникъ первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла. Въ Евангеліи слышали вы: *созижу Церковь Мою и врата адава не одолѣютъ ей*, слова Хріста, сказанныя Ап. Петру, когда онъ отъ лица всѣхъ Апостоловъ исповѣдалъ Иисуса Хріста Сыномъ Божіимъ. На исповѣданіи моемъ Моего Божества Я создамъ Церковь; Церковь, это всѣ люди отъ Адама до второго пришествія Хрістова, спасаемые вѣрою въ Него, ветхозавѣтные—во грядущаго, а послѣ новозавѣтные—въ пришедшаго. Церковь—это совокупность всѣхъ, объединенныхъ вѣрою во Единаго Господа въ Троицѣ славимаго, благодатью Св. Духа, преподаваемаго въ таинствахъ, управляемыхъ іерархією, поставленною отъ Хріста; Онъ Апостоламъ сказалъ: *слушайъ васъ Мене слушаетъ*; эта власть переходитъ ко всѣмъ освященнымъ лицамъ и къ намъ грѣшнымъ и недостойнымъ другъ другопріимательно.

Исусъ Христосъ уготовалъ намъ спасеніе. Получить его возможно только члену Церкви Хрістовой. Въ нея нѣтъ спасенія. Церковь есть столпъ и утвержденіе истины, она сокровищница, въ которую Апостолы положили все, что нужно для спасенія. Церковь—учительница вѣры. Основной ея законъ—любовь къ Богу и ближнимъ, она ясно опредѣляетъ обязанности челоуѣка. Церковь, напр., велитъ почитать праздничные дни, дни Божіи, чтобы

въ молитвахъ и благотвореніяхъ находить духовное утѣшеніе; она установила посты, по примѣру Христа и апостоловъ, налагавшихъ на себя постъ предъ проповѣдью, она учитъ повиноваться властямъ—*нѣсть власть аще не отъ Бога, всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется*. Церковь—сокровищница благодати Божіей, подаваемой вѣрующимъ чрезъ таинства. Не будемъ говорить о всѣхъ ихъ, скажемъ объ одномъ—о св. причащеніи. Господь не только породнился съ нами, принявъ нашу плоть, нашу природу, содѣлавшись совершеннымъ человѣкомъ, но хочетъ породнить насъ съ Собою—чрезъ причащеніе. Въ жилахъ нашихъ течетъ Его Божественная кровь. Мы дѣлаемся, по выраженію Апостола Петра, причастниками Его Божества. Благо великое! Будемъ же достойны его. Для этого необходимо покаяніе и исправленіе жизни. Если увидишь число грѣховъ своихъ, яко песокъ земной—се начало здравія души. Пусть грѣхи называются ихъ собственнымъ именемъ, а не какъ бываетъ теперъ, когда беззаконія прикрываются новыми модными названіями; пусть въ душѣ будетъ постоянное сознаніе грѣховности и смиреніе; въ этомъ благо наше: *возьмите иго Мое на себе и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: иго Мое благо и бремя Мое легко есмь*, сказалъ Спаситель. Братіе, нынѣ враги Церкви силятся оторвать васъ отъ матери-Церкви, внушить вамъ неповиновеніе къ ней. А вспомните, что сказалъ Спаситель: кто Церкви преслушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь. Горе лжеучителямъ и тѣмъ, кто слушаетъ ихъ, удаляется отъ Церкви. Да будетъ вѣрность церковнымъ преданіямъ, посѣщеніе храмовъ, смиреніе отличительною чертою жителей града сего по примѣру предковъ!“

За литургіей былъ рукоположенъ во священники села Кайгорода Устьсысольскаго уѣзда Александръ Соколовъ. Ставленнику владыка сказалъ краткую рѣчь: поздравляю тебя съ принятіемъ благодати священства; сегодня для тебя такой же день, что для Апостоловъ день пятидесятницы, Духъ Святой, тогда видимо, въ видѣ огненныхъ языковъ, а нынѣ, невидимо, зажегъ въ душѣ твоей лампаду, которая да свѣтитъ и грѣетъ всѣхъ пасомыхъ твоихъ; подливай же въ эту лампаду елей добрыхъ дѣлъ, наипаче смиренія, считай себя самымъ худшимъ и нисшимъ всѣхъ прихожанъ, назидай ихъ словомъ Божиимъ, питай благодатію Св. Духа. „Черезъ часъ послѣ литургіи на пароходѣ „Надежда“, провожаемый духовенствомъ, владыка отправился въ г. Сольвычегодскъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).